Жорес Трофимов

СИМБИРСКИЙ ПАМЯТНИК Н. М. КАРАМЗИНУ

известное и неизвестное

СИМБИРСКИЙ ПАМЯТНИК Н.М.КАРАМЗИНУ

Известное и неизвестное

Жорес Трофимов

СИМБИРСКИЙ ПАМЯТНИК Н.М. КАРАМЗИНУ

известное и неизвестное

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР "РОССИЯ МОЛОДАЯ"
1992

ББК 63.3(2)л6
Т 70

Иллюстрации подготовлены по материалам фондов Ульяновского областного краеведческого музея им. И. А. Гончарова научным сотрудником *М. М. Савич*.

Фотопродукции *Тюрина Е. П.*

Трофимов Ж. А.

Т 70 Симбирский памятник Н. М. Карамзину. Известное и неизвестное. — М.: Издательский центр «Россия молодая», 1992. — 39 с.: илл.

ISBN 5—86646—009—2

В книге рассказывается об истории создания и сооружения в Симбирске (Ульяновск) памятника русскому историку, автору знаменитой «Истории государства Российского» Н. М. Карамзину. Книга рассчитана на массового читателя.

Т $\frac{4403000000—009}{«Россия\ молодая»—92}$ Без объявл.

ББК 63.3(2)л6

ISBN 5—86646—009—2

4 сентября (23 августа) 1845 года в центральной части Симбирска, близ Венца, был открыт памятник знаменитому земляку — писателю и историку Николаю Михайловичу Карамзину.

Море воды протекло за минувшие 145 лет вдоль берегов Волги. Разительные перемены произошли и в городе, в том числе и в историческом его центре. Так, из былого архитектурного окружения памятника исчезла в 30-х годах нашего века изящная Никольская церковь — современница детства Карамзина, а в 60-х чуть ли не в пожарном порядке был разрушен бывший губернаторский дворец (именовавшийся в советские годы «Домом Свободы»), а также останки старинного Спасского женского монастыря (на этом месте появился Дворец культуры профсоюзов).

Несмотря на эти тяжкие потери, у Карамзинского сквера стоят еще весьма почтенного возраста исторические здания. Это — бывшая классическая гимназия с развернутым в ее классах и актовом зале мемориальным музеем, посвященным годам учебы Владимира Ульянова, бывший дом Дворянского собрания (ныне Дворец книги им. В.И.Ленина), в левом крыле первого этажа которого недавно открыт мемориальный музей «Карамзинская общественная библиотека», а также Дом городского общества (ныне музыкальное училище).

В целом же этот заповедный уголок, расположенный на месте рубленого Кремля середины XVII века, вместе с бульваром Новый Венец, с которого открываются великолепная панорама огромного водохранилища и заволжские дали, смотрится как самая привлекательная часть старого Симбирска. Сюда устремляются почти все экскурсанты и гости нашего города. Манит к себе это место фотографов, художников, поэтов, да и каждого, кто имеет возможность побывать здесь хотя бы мимоходом. А сколько горожан, отдыхая на скамейках вокруг памятника Историографу, размышляло о днях минувших, мечтало о будущем.

Но памятник Карамзину имеет и свою непростую историю, многие важные детали которой неизвестны и профессиональным историкам. А в краеведческой литературе не сложилось единого мнения даже по таким принципиальным вопросам: кто же все-таки был инициатором создания памятника Карамзину и каким образом первоначально мыслилось увековечение памяти Историографа государства Российского.

Замечу вначале, что сооружение памятника было совершенно новым для симбирян, как впрочем, и для казанцев, которые в это же время хлопотали о сооружении в городе мемориала Г.Р.Державину,

Симбирский Карамзинский сквер. Памятник Н.М.Карамзину. Спасский женский монастырь. С фото 2-й пол. XIX в.

Симбирск. Карамзинская площадь. Вид на Спасский женский монастырь. С фото 60-х гг. XIX в.

да и для общественности всех других губернских центров. И никто, очевидно, не предполагал, что дела такого рода должны решаться строго по инстанциям, а решающее слово принадлежит самому Самодержцу Всероссийскому.

Это неведение просматривается по письмам нашего земляка-поэта Николая Михайловича Языкова, первым развернувшего агитацию за сбор средств в обеих столицах на увековечение памяти своего знаменитого тезки. «До вас, конечно, дошел слух о сооружении памятника бессмертному Карамзину,— писал он из села Языкова 25 апреля 1833 года в Москву академику М.П.Погодину.— Здесь произошло чрезвычайное кипение умов дворянских по сему случаю. Приношения далеко превосходят ожидания всех знающих малопросвещенность стран Приволжских, Азии порубежных. Как идет это дело в Москве? Нельзя ли вам, крепкий стратиг русской истории,— возжечь особенное соревнование между доблими (доблестными.— *Ж.Т.*) юношами, вам подведомственными, и силою вашего слова действовать на публику»[1].

В письме к приятелю В.Д.Комовскому, вращавшемуся в высших кругах чиновничьего Петербурга, Николай Языков привел подробности «кипения умов» симбирских дворян: «...здесь уже собрана довольно значительная сумма (в первые два дня более 6 тысяч), образован комитет — и дело идет живо... Здешние желают, чтоб оный памятник состоял из здания, в коем поместилась бы статуя Историографа и публичная библиотека для чтения — обо всем этом губернатором будет представлено к министру внутренних дел, а вы поторапливайте и своего (начальника главного управления цензуры.— *Ж.Т.*) — он теперь в духе»[2].

Да, губернатор А.М.Загряжский поддержал эту идею, но кто-кто, а он-то ведал, что для того, чтобы придать «законный» ход, к нему должно поступить соответствующее письменное отношение. Такая «бумага» была составлена и подписана симбирскими дворянами: «Желая ознаменовать и увековечить высокое уважение наше к памяти уроженца Симбирской губернии великого бытописателя Николая Михайловича Карамзина, творениями своими имевшего столь решительное, прочное и благодетельное влияние на просвещение любезного отечества нашего: вознамерились мы воздвигнуть ему в городе Симбирске памятник, почему обращаемся к Вашему Превосходительству с покорнейшею просьбою исходатайствовать Высочайшее соизволение на открытие подписки для составления денежной суммы, потребной для выполнения сей священной цели нами предположенной»[3].

По сохранившимся документам нельзя однозначно сказать, кто именно первым подал мысль о необходимости сооружения памятника Карамзину, но все говорит за то, что застрельщиками безусловно явились генерал-майор Петр Никифорович Ивашев (отец декабриста), трое братьев Языковых, состоявших, кстати, в родстве с Ивашевыми (Петр Михайлович был женат на сестре декабриста), а также их ближайшие знакомые: князь Ю.Хованский, который был

Карамзинская площадь от Спасского женского монастыря. С фото Муренко. 1867 г.

Симбирск, Карамзинский сад. Вид на решетку сада и сад с улицы Спасской. С фото 1912 г.

тоже зятем П.Н.Ивашева, отставные штабс-ротмистр П.А.Бестужев и капитан-лейтенант А.Д.Валуев — свояки братьев Языковых. В пользу приоритета в этом деле Ивашева и Языковых говорит и тот факт, что П.Н.Ивашев, Александр, а потом и Петр Языковы были избраны членами комитета по сбору средств на памятник.

Эти же лица были и главными жертвователями: П.Н.Ивашев дал 300 рублей, его зять Ю.Хованский — 500, трое Языковых — 1250. Сделали взносы и П.Бестужев — 200 рублей и А.Валуев — 50 рублей. Из других доброхотов выделились дальний родственник Ивашевых Г.М.Толстой — 105 рублей, штаб-ротмистр П.Бабкин — 500 рублей, действительный студент Н.Мотовилов — 400 рублей; «по доверенности действительного статского советника Александра Тургенева» внесено 300. Пожертвовали и отставные чиновники: А.Столыпин — 300, А.Татаринов — 200, П.Пазухин — 200 и капитан-лейтенант Г.Нейков — тоже 200 рублей. Взносы других знатных симбирян — Киндяковых, Соковниных, Анненковых, Юрловых — были меньших, но тоже существенных размеров[4].

13 июня 1833 года губернатор А.М.Загряжский переслал прошение 38 симбирских дворян министру внутренних дел Д.Н.Блудову, а тот доложил суть прошения царю, добавив при этом о необходимости открытия общеимперской подписки, а в Академии художеств — конкурса, подобно тому, какой проводился недавно по созданию памятника Г.Р.Державину в Казани. Получив согласие Николая I, Блудов 6 июля уведомил об этом губернатора Загряжского и предложил создать в Симбирске комитет, на имя которого и будут поступать денежные пожертвования[5].

Широкая же общественность узнала о первых пожертвованиях в Петербурге из заметки, появившейся 21 июля в «Северной пчеле», об обеде, данном группой литераторов в честь поэта и баснописца Ивана Ивановича Дмитриева, земляка и друга Н.М.Карамзина. Желая делом подать пример в подписке, И.И.Дмитриев пожертвовал 500 рублей, саксонский посланник и писатель К.-А.Люцероде дал 300, князь П.А.Вяземский — 100, граф Д.И.Хвостов — 50, А.С.Пушкин, И.А.Крылов, П.А.Плетнев, Д.А.Давыдов — по 25 рублей. Всего же, по сообщению газеты, участники обеда подписались на 4523 рубля.

С середины августа 1833 года сбор пожертвований на сооружение памятника Н.М.Карамзину официально начался в Симбирске и других местах России. П.Н.Ивашев, сообщив об этом 19 августа сыну-декабристу, томившемуся в Сибири, пояснил, как он и его близкие мыслят памятник в Симбирске: «Мы согласились всеподданейше просить через министра устроить дом для помещения библиотеки всех полезных изданий на российском языке для общественной пользы, а в главной зале поместить мраморный бюст на пьедестале, заключающем все его творения. Такой памятник более и полезнее других будет существовать и послужит украшением города общей занимательностью и для постороннего лица»[6].

Симбирские дворяне на своем съезде, прошедшем в августе, из-

Симбирск. Вид на Карамзинскую площадь, памятник Н.М.Карамзину и Дом городского общества. С фото 60-х гг. XIX в.

Симбирск. Карамзинская площадь. Вид на памятник Н.М.Карамзину, губернскую мужскую гимназию, Николаевский сад и Троицкий Кафедральный собор. С фото 60-х гг. XIX в.

брали под председательством губернатора Загряжского комитет для «первоначальных... распоряжений и приема сумм» и обсудили вопрос о месте, где должна быть воздвигнута библиотека с монументом Карамзину. Информируя об этом министра внутренних дел, губернатор представил и план местности, где было отведено место для библиотеки: это участок между гимназией и городским магистратом, напротив угловой часовни Спасского женского монастыря.

Автор проекта — губернский архитектор И.И.Лизогуб, один из инициаторов увековечения памяти Карамзина на родине, выполняя рекомендации комитета, создал проект оригинального ансамбля из трех зданий. Левое — гимназический пансион и правое — помещение для смотрителя — скромные двухэтажные кирпичные дома. Что же касается центрального здания, тоже двухэтажного, но увенчанного довольно большим куполом, то оно было спроектировано подстать лучшим постройкам Симбирска 30-х годов XIX века, возведенных в классическом коринфском стиле по проектам выдающегося зодчего М.П.Коринфского. В верхнем этаже предполагалось разместить книгохранилище, комнаты для чтения, а в центральном двухсветном зале установить монумент Н.М.Карамзину. Словом, проект главного здания — это проект Карамзинской общественной библиотеки, главную залу которой украшал установленный на пьедестале бюст Историографа.

Только так и никак иначе воспринимали «памятник» Карамзину и присутствовавшие на обеде в честь И.И.Дмитриева видные литераторы, в том числе А.С.Пушкин, который, кстати, в сентябре 1833 года, во время поездки по сбору материалов для «Истории Пугачева», гостил у симбирского губернатора А.М.Загряжского и, конечно, воочию увидел то место, где мыслилось воздвигнуть библиотеку. Оно находилось в непосредственной близости от губернаторского дома.

Казалось, ничто не могло помешать быстрому осуществлению благородных побуждений руководителей симбирского комитета: царь разрешил сбор средств по всей империи, губернатор отстаивал перед министром проект архитектурного карамзинского ансамбля и место для него. В Академии художеств уже был объявлен конкурс на создание монумента Историографу.

Однако в конце 1833 года начались первые серьезные затруднения. 9 декабря совет Академии художеств решил вопрос о памятнике Г.Р.Державину в Казани. А вот относительно памятника Н.М.Карамзину конкурс не внес ясности. Из 9 представленных проектов совет отобрал для рассмотрения министру внутренних дел Д.Н.Блудову только три — профессоров А.Тона, К.Мейера и А.Брюллова. По каждому из них министр дал указания для доработки. Наиболее сложными из них по композиции оказались темы горельефов для постамента, которые должны были отображать милостивое отношение Александра I и Николая I к автору «Истории государства Российского»[7].

Затем, вольно или невольно, сумятицу в дело о памятнике внес князь М.П.Баратаев, который после некоторого перерыва, вызванного его отъездом из Симбирска, осенью 1833 года вновь занял пост губернского предводителя дворянства. Вскоре между ним и губернатором А.М.Загряжским сложились чрезвычайно неприязненные отношения. Баратаев, не входивший в состав комитета[8], как бы в пику губернатору — председателю комитета отверг проект создания общественной библиотеки и 6 марта 1834 года в письме к министру внутренних дел Блудову заявил, что желает, «чтобы памятник Карамзину на его родине был учреждением учебного заведения для воспитания и образования юношества, соединяясь с открывающимся ныне пансионом при гимназии»[9].

Д.Н.Блудов никак не отреагировал на это письмо, и оно попало в ту же папку нерешенных дел, что и проект комитета симбирских дворян. Шло время. Конфликт между губернатором и группой влиятельных помещиков, державших сторону Баратаева, завершился летом 1835 года отъездом Загряжского из Симбирска.

Новый губернатор И.С.Жиркевич, вникнув в дела комитета и различные планы увековечения памяти Карамзина, обратился к Блудову с просьбой сообщить ему конфиденциально, «к какому именно направлению домогаться... склонить общий по сему предмету голос»[10].

Министр, словно не ведая о желании А.М.Загряжского, П.Н.Ивашева, братьев Языковых и других видных симбирян создать общественную библиотеку, в ответном письме к Жиркевичу от 5 ноября 1835 года коснулся почему-то лишь предложения Баратаева: «...сколь ни похвальна мысль учредить учебное заведение с именем Карамзина, но, к крайнему сожалению, едва ли может быть она приведена в действие, как по неимению на то достаточного капитала, так и потому, что Высочайшее соизволение последовало лишь на сооружение памятника Карамзину в Симбирске. Вследствие чего по Высочайшей воле, для составления проектов сего памятника, открыт при Императорской Академии художеств конкурс художников и по недавно полученному мною уведомлению президента сей Академии.., помянутый проект приводится уже к окончанию»[11].

Охотников перечить «высочайшему соизволению» в Симбирске не нашлось, и местному комитету оставалось ждать исхода академического конкурса да подыскивать место, в соответствии с предложением Блудова, для постановки монумента Карамзину «на открытом месте» Венца.

Члены симбирского комитета отвергли Венец, так как в северной части его стояло «старое и безобразное строение» помещика Филатьева. Конечно, дворянство могло бы купить его и привести в «приличный вид». Но для устройства бульвара между этим домом и зданием губернских присутственных мест (сейчас здесь располагается сельхозинститут) надобно еще устроить бульвар для гулянья, к чему «встретились еще особые неудобства»[12].

Тогда губернатор Жиркевич предложил установить памятник

«среди площади пред настоящим Домом дворянства», находившимся в Троицком (ныне Краснознаменном) переулке. Но это, некогда красивейшее здание (во дворе которого граф Н.И.Панин допрашивал пленного Емельяна Пугачева) уже сильно обветшало и на его реконструкцию требовались значительные средства. К тому же, по мнению членов комитета, это место «кроме съезда дворянства, во всякое другое время оказывалось скрытым» и публика не будет видеть памятника. В конце концов 21 декабря 1835 года комитет единогласно постановил донести министру внутренних дел, что «площадь против Гостиного двора (где стоит нынешний ЦУМ.— Ж.Т.), окружена будучи красивейшими зданиями и составляя место наиболее посещаемое жителями, найдена приличнейшим местом для воздвижения памятника[13].

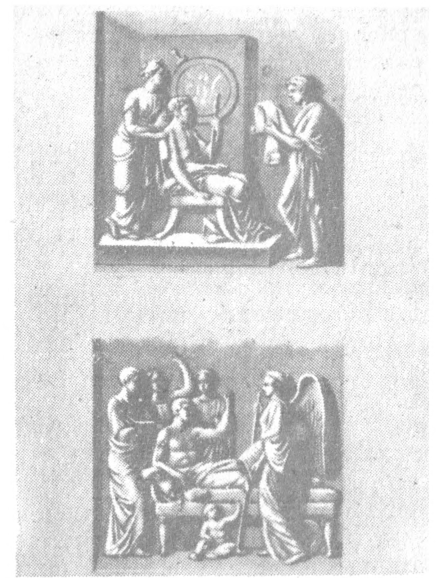
Но и этому намерению симбирских почитателей Карамзина не суждено было сбыться. Николай I, побывавший 22 августа 1836 года в Симбирске, все переиначил и дал такие указания по благоустройству Венца и реконструкции района, прилегающего к губернаторскому дому, какие могли исходить только от императора-самодержца. Он, в частности, приказал благоустроить Венец от здания присутственных мест до дома вице-губернатора (находившегося вблизи нового общежития пединститута) и выстроить на месте, занимаемом флигелями типографии и архива, приличный новый дом Дворянского собрания. Западнее губернаторского дома, где находились частные усадьбы, Николай I повелел устроить площадь, в центре которой и возвысится памятник Карамзину. В связи с этим к губернаторскому дому предлагалось сделать пристрой ("новый фас"), со своим подъездом, который станет восточной границей новой площади. Обветшалое здание городового магистрата, стоявшее севернее этой площади, подлежало сносу с тем, чтобы на его месте появилось более удобное и представительное[14].

Через два года указания Николая I относительно создания обширной площади у губернаторского дома были, в основном, уже выполнены. Что же касается работ по созданию самого памятника Карамзину, то 1 июня 1838 года симбирянам стало известно из сообщения местных «Губернских ведомостей», что Государь Император соизволил повелеть: «Заключить с профессором Академии художеств Гальбергом контракт на сделание в течение трех лет, согласно предложенным им условиям и по составленному им... проекту в настоящем виде означенный памятник с барельефами, из своих материалов, за выпрошенную им цену 91800 руб., не включая в число сей суммы денег, нужных на покупку 550 пуд. меди, которая имеет быть получена из казны и оный памятник поставить в Симбирске на назначенном месте. Для увеличения же суммы, собранной на сооружение означенного памятника... издать в гравюре рисунки статуи с пьедесталом и двумя барельефами в числе 10 тыс. экземпляров и пустить оные в продажу по 5 руб. за штуку».

Как же случилось, что вместо одобренных еще в 1833 году Ака-

Вид сооружаемого в Симбирске памятника Н.М.Карамзину. Сочинял С.Гальберг, гравировал К.Аванесов. (Из книги «Торжественное собрание императорской Академии наук 1 декабря 1866 г. в память 100-летия годовщины рождения Н.М.Карамзина»:) С.-Петербург, 1867 г.

Рисунки барельефов к памятнику, сооружаемому Н.М.Карамзину в Симбирске. Сочинял С.Гальберг, гравировал К.Аванесов. (Из книги «Торжественное собрание императорской Академии наук 1 декабря 1866 г. в память 100-летней годовщины рождения Н.М.Карамзина». С.-Петербург, 1867 г.)

демией художеств трех проектов памятника Карамзину через пять лет выбор царя пал на новый проект, составленный профессором С.И.Гальбергом? Прежде чем ответить на этот вопрос, взглянем хотя бы бегло на жизненный и творческий путь художника-скульптора.

Самуил Иванович Гальберг родился в 1787 году в Эстляндии (Эстонии), в небогатой, но культурной шведской семье. Семилетним мальчиком родители отдали его в воспитательное училище при петербургской Академии художеств, которую он блестяще — с большой золотой медалью — закончил в 1808 году. В последующие два десятилетия Гальберг успешно трудился под руководством известного русского скульптора И.П.Мартоса, постигал в Риме творчество знаменитых Кановы и Торвальдсена.

Профессором родной Академии художеств Гальберг стал в 1831 году, после того как получили высокую оценку статуи, выполненные им для ряда общественных зданий столицы, и памятник Алек-

сандру I. В 1833 году совет Академии художеств «весьма одобрил» разработанные Гальбергом эскизы памятника Г.Р.Державину в Казани и поручил ему окончательное завершение проекта[15].

В конце того же года Гальберг принял участие в конкурсе на памятник Карамзину в Симбирске. Совет Академии, как мы уже знаем, остановил свой выбор на проектах А.Брюллова, К.Мейера и А.Тона, но все трое, по различным причинам, весной 1835 года отказались дорабатывать свои проекты. Гальберг же к этому времени завершил работу над памятником Державину и на предложение президента Академии художеств «заняться сочинением статуи и барельефов для памятника Карамзину, сообразуясь по возможности с общим видом проекта господина профессора Александра Тона», дал свое согласие.

Согласие это было хорошо взвешено. Во-первых, Гальберг участвовал в декабре 1833 года в академическом конкурсе проектов памятника Карамзину. А во-вторых, его соавтором становился великолепный знаток архитектуры А.Тон, с которым они так дружно творили памятник Державину. Творил Гальберг споро: уже 10 августа 1835 года он доложил своему президенту: «Эскизы в глине статуи и барельефов для памятника Карамзину мною сочинены... Теперь с них делают рисунки, которые по окончании предложатся на рассмотрение»[16].

Из представленной при этом объяснительной записки видно, что Гальберг подготовил два проекта памятника. Обосновывая замысел первого из них (под литерой А), он писал: «Прилично и согласно с требованиями изящного было бы и ставить как памятник на богатом пьедестале музу истории Клио, которая, имея в левой руке эмблематический признак свой трубу, правою возлагает на жертвенник бессмертия скрижали Государства Российского, посвящая их таким образом бессмертию»[17].

Относительно второго запись еще лаконичнее: «Другой проект (рисунок В) представляет статую самого Автора: Карамзин стоит оперши скрижали своей истории на колонну — эмблему несокрушимости. Те же барельефы могут быть помещены на боковых фасадах пьедестала"[18].

Думается, что для самого Гальберга предпочтительнее был второй проект, хотя бы потому, что проект памятника Г.Р.Державину, выполненный тоже в содружестве с профессором А.Тоном, был именно таким, более реалистичным. Но совет одобрил все-таки первый. Почему? Отвечая на этот вопрос, ученик Гальберга, впоследствии тоже известный скульптор Н.А.Рамазанов, писал:

«Некоторые из опытных художников осуждали Гальберга, зачем он поставил на пьедестал Клио, а не самого Карамзина. Впрочем, это предпочтение Клио, надо полагать, было сделано по какому-нибудь постороннему настоянию; доказательством тому служат два прекрасных глиняных эскиза статуй Карамзина, сделанных рукою Гальберга и составляющих теперь собственность пишущего эти строки»[19].

Рамазанов воздержался от расшифровки «постороннего настояния», но несомненно, что под ним подразумевалось вмешательство если не самого Николая I, то его ближайшего окружения. Забегая вперед, отмечу, что под влиянием «посторонних» изменится и надпись на пьедестале памятника. Если на модели Гальберга было начертано:

«Н.М.Карамзину,
словесности и истории великие услуги
оказавшему»,

то впоследствии, уже на завершенном памятнике, появится другая надпись, выполненная накладными позолоченными буквами:

«Н.М.Карамзину,
историку Российского государств
повелением императора Николая I[го]
1844 года.»

Вернемся к лету 1838 года, когда император приказал заключить контракт с Гальбергом об изготовлении им в течение 3 лет памятника за 91800 рублей, с предоставлением, кроме того, казною 550 пудов меди. В распоряжении комитета в это время имелось 65214 рублей 50 копеек, собранных по общеимперской подписке. Наиболее щедрыми на пожертвования оказались симбиряне и петербуржцы, внесшие на счета комитета почти по 15 тысяч рублей. А были губернии, где сбор не был как следует организован, и поэтому Воронежская, Екатеринбургская, Астраханская губернии внесли всего лишь 20—35 рублей[20]. Как ни странно, но Николай I и члены его семьи не подали личного примера в сдаче пожертвований.

Тем не менее имевшихся летом 1838 года в кассе симбирского комитета денег хватало для того, чтобы Гальберг работу над памятником Карамзину вел полным ходом. Но... 10 мая 1839 года Самуил Иванович Гальберг на 52-м году жизни скончался. Знаменитый живописец Карл Брюллов, обращаясь к его ученикам, говорил: «Плачьте, плачьте о нем!.. Это был светильник, который бросал свет на все...»

Ученики — талантливые выпускники Академии художеств — А.А.Иванов, П.А.Ставассер, Н.А.Рамазанов и К.М.Климченко — горячо взялись за поручение совета Академии по эскизам и рисункам Гальберга довести памятник Карамзину до конца. Колоссальную статую музы истории Клио изготовили Ставассер и Иванов. Горельеф, изображающий Карамзина читающим свою «Историю» и бюст Историографа — Рамазанов, а горельеф, представляющий Карамзина на смертном одре,— Климченко. Отливка статуи Клио из бронзы была осуществлена в мастерских Академии художеств под руководством опытнейшего мастера этого искусства барона П.К.Клодта.[21]

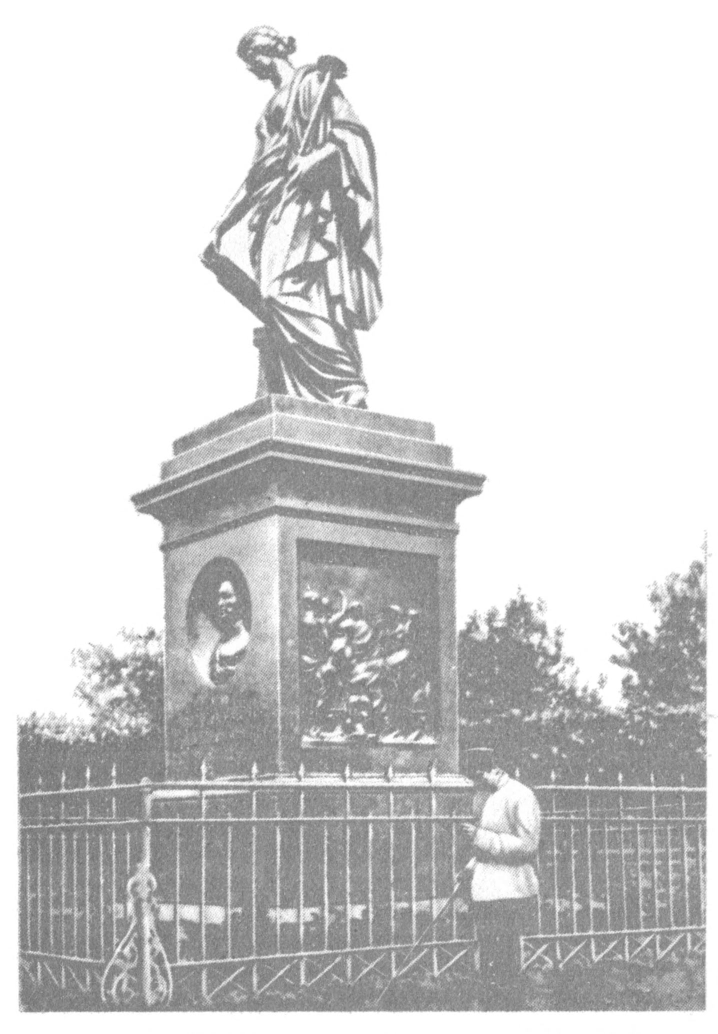
Летом 1843 года статуя музы истории с большими трудностями была доставлена по Волге на симбирскую пристань, где она пролежала около полутора лет — до тех пор, пока из столицы не при-

Симбирск. Памятник Н.М.Карамзину. С открытки начала XX в.

Проект общественной библиотеки им. Н.М.Карамзина

были четырехугольный пьедестал из красно-бурого финляндского гранита и бронзовый бюст Н.М.Карамзина. Задержка произошла и из-за нехватки средств для изготовления надежного фундамента под многопудовый памятник.

Вот только теперь симбирские дворяне, доселе гадавшие о содержании памятника Историографу, узнали, что на высоком, двухсаженном пьедестале будет стоять во весь рост такой же высоты бронзовая статуя музы истории Клио, а бюст самого Карамзина поставят в нише лицевой стороны пьедестала. Стал известен и смысл, заложенный художником в отлитые из бронзы горельефы.

Симбирск. Памятник Н.М.Карамзину. С открытки начала XX в.

На левом (северном) — Карамзин за чтением отрывка из своей «Истории» императору Александру I во время пребывания того в Твери в 1811 году. На другом (южном), тоже в аллегорической форме, Николай Михайлович запечатлен на смертном одре в окружении семейства в тот момент, когда познакомился с рескриптом Николая I о пожаловании щедрого пенсиона. В соответствии с канонами классического стиля все фигуры памятника изображены в античных одеждах[22].

Поэт Николай Языков, поселившийся после безуспешного пятилетнего лечения за границей в Москве, сообщал 14 декабря 1844 года Н.В.Гоголю в Рим: «Памятник, воздвигаемый в Симбирске Карамзину, уже привезен на место. Народ смотрит на статую Клио и толкует, кто это: дочь ли Карамзина или жена его? Несчастный вовсе не понимает, что это богиня истории! Не нахожу слов выразить тебе мою досаду, что в честь такого человека воздвигают вековечную бессмыслицу»[23].

К этому можно добавить, что изображение на памятнике необычно одетых, а то и полуобнаженных фигур недоуменно воспринималось не только простым людом, но порой и людьми грамотными. Непонятый многими, памятник в народе прозывали «чугунной бабой»[24].

Тем не менее, когда наступила пора установки памятника Н.М.Карамзину, Николай Языков и его братья деятельно включились в подготовку связанных с этим событием торжеств. Поэт, прекрасно знавший, как тяжело переживает академик М.П.Погодин смерть своей жены, все-таки настойчиво убеждает его составить «похвальную речь» для выступления на родине Историографа.

Погодин взял себя в руки и вовремя написал «Историческое похвальное слово Карамзину». Но обстановка требовала, чтобы он поехал в Симбирск либо по направлению Академии наук, либо — университета, где занимал профессорскую кафедру. Не без влияния Языкова симбирский губернатор Н.М.Булдаков обратился к министру народного просвещения С.С.Уварову с просьбой откомандировать Погодина в Симбирск, где 22 августа, в день коронации покойного императора Александра I, намечалось открытие памятника. Когда же стало известно, что министр то ли пожалел выделить деньги на путевые расходы академика, то ли хотел продемонстрировать, что его мало интересует такое событие, как открытие памятника Карамзину, он отказал в командировке, но Александр Михайлович Языков попросил брата-поэта передать Погодину, чтобы его не останавливала эта скаредность: «прогоны ему возвратит дворянство. Уваров поступил очень невежественно»[25]. И Николай Михайлович обращается к Погодину: «Поезжай же 16 августа в ночь. К 20 или 21 августа ты будешь на месте. В Симбирске прямо въезжай в дом Н. М. Языкова, а на обратном пути, ведь ты поедешь оттуда на Арзамас, Муром и проч., непременно заезжай ко мне в село Языково... Там днюй и ночуй и прочее. Я пишу туда, чтобы тебя там ждали и приняли бы с подобающей честию!»[26].

Н.М.Карамзин.
Фото с гравюры 1811 г.

Н.М.Карамзин.
Фото с литографии 1816 г.

Н.М.Карамзин. Фото с гравюры.

Н.М.Карамзин. Фото с гравюры.

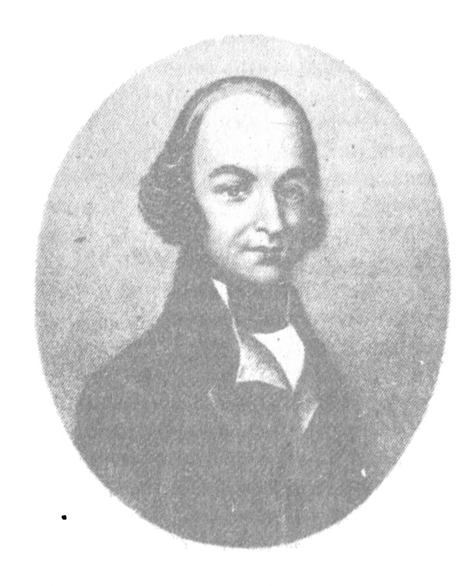
Погодин, для которого Карамзин был «достойнейшим из русских писателей, отразившим в своих бессмертных творениях гениальные дарования, чувства патриотические и вообще русский дух», 17 августа помчался из Москвы на курьерских и уже 21-го, усталый, но довольный, добрался до Симбирска. Однако там, «по обстоятельствам», открытие отложили на день, т.е. до 23 августа. Впрочем, накануне вечером в доме губернатора собрались верхушка местного общества и почетные гости — прибывшие в Симбирск сыновья Историографа Андрей и Александр Карамзины, и перед присутствующими выступил Погодин со своим похвальным словом о знаменитом симбирянине.

Суть его заслуг в области русского языка и словесности Погодин сумел изложить в одной, но очень емкой фразе: «Он очистил Русский язык, освободил его из-под классического влияния, указал ему настоящее течение, обработал слог, обогатил Словесность, представил сочинения во всех родах: письма, повести, рассуждения, похвальные слова, разговоры; возбудил участие к сочинениям знаменитых писателей, познакомил с иностранными литературами, перевел множество образцовых произведений со всех новых языков, привел в движение Словесность, распространил охоту к чтению, умел возбудить любовь к знаниям, коснулся до всех современных вопросов, учил рассуждать политически, наконец начал возбуждать участие к Русской старине, и познакомил с древними иностранными путешественниками»[27].

Этих трудов и заслуг, по мнению Погодина, достаточно, чтобы прославить несколько писателей на всю их жизнь, а Карамзин рассматривал сделанное как приготовление к главному — написанию достоверной и вместе с тем занимательной Русской истории. Ему понадобилось более 20 лет исполинского и самозабвенного труда, чтобы справиться с этой задачей и создать великое произведение — «Историю государства Российского».

«Он рассмотрел и исследовал все известные до него исторические источники, и множество новых, им самим открытых; ни одного списка летописи не осталось не прочтенного, не пересмотренного, и на всех сияют следы его руки. Этого мало,— продолжал Погодин,— он перечел столь же добросовестно историков, которые прежде его пользовались ими, и показал, где и как они уклонялись, часто даже — почему... Ото всюду извлекал Карамзин сущность и употреблял в дело, указывал при всяком положении на то свидетельство, которое служило ему основанием, приводя важнейшие места из древних источников, так что, еслиб мы имели несчастие потерять их все,— наука могла бы еще идти далее и совершенствоваться из одного его сочинения»[28].

Но «История» Карамзина — это еще и великолепный литературный памятник, вобравший в себя чуть ли ни все богатство русского языка. Его повествование часто возвышается до высокой поэзии, и читатель благодаря этому искусству представляет себе многие события и лица так отчетливо, что будто бы они воочию пред ним.

Н.М.Карамзин. Фото с фото-гравюры худ. Панова. Москва.

Н.М.Карамзин. С литографии Мошарского по рис. Калашникова.

Река Русской истории представлена автором отчетливо и вразумительно. Все события, имевшие влияние на судьбу государства, указаны, оценены Карамзиным и благодаря этому русский народ лучше познал и полюбил свое отечество.

В заключительной части похвального слова Погодин выразил свое благоговейное восхищение благородной личностью Историографа и, обращаясь к слушателям, заявил: «Пусть памятник, теперь ему... здесь поставленный, одушевляет ваших детей и все следующие поколения в благородном стремлении к высокой цели Карамзина! Пусть он останется навсегда идеалом Русского писателя, Русского гражданина, Русского человека...»[29].

Утром следующего дня, 23 августа, при первых ударах колоколов в кафедральном соборе в парадной одежде собрались: все начальство, дворянство, купечество, воспитанники гимназии и духовной семинарии, а у входа толпилась масса простых обывателей.

Заупокойную литургию совершил архиепископ Феодотий. После нее следовала панихида, а потом все отправились к новой площади, где и состоялось торжественное открытие монумента. Скрывавшая бюст Карамзина и горельефы завеса была снята при приближении процессии, но статуя Клио оставалась закрытою. Преосвещенный произнес краткую молитву, окропил «святою» водою нижнюю часть памятника, которую он обошел кругом. Провозглашено было мно-

голетие императору и всему его дому. Затем дьякон провозгласил «вечную память Историографу Николаю Михайловичу Карамзину» и многие лета симбирскому дворянству и всем почитателям памяти великого писателя. В конце богослужебной части торжеств Феодотий, обратившись к бюсту Н.М.Карамзина, произнес заключительное слово.

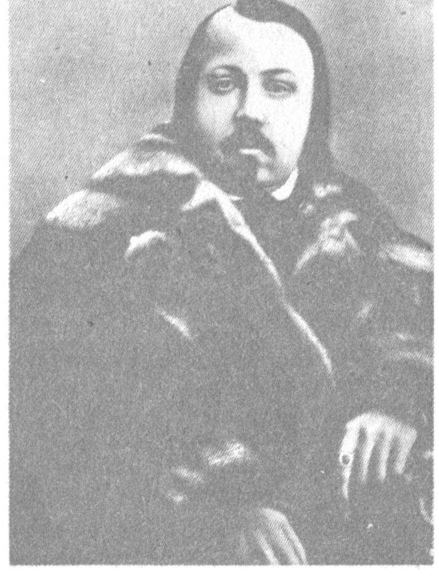
Глубокое впечатление на присутствующих произвело выступление известного поэта-симбирянина Д.П.Ознобишина, который в своем стихотворении, в частности, выразил уверенность, что:

«Так Русский юноша, теперь идущий мимо,
Взглянув на этот лик, сияющий в меди,
Любовь к отечеству, сей огнь неугасимый,
Восчувствует в груди.»[30]

Затем избранное общество направилось в гимназию, где в зале, соседних комнатах и на хорах собрались многочисленные слушатели и слушательницы. «Историческое похвальное слово» М.П.Погодина, продолжавшееся около двух часов, закончилось единодушной овацией. По просьбе публики, и тоже под рукоплескания, Д.П.Ознобишин повторил свои стихи, прочитанные перед памятником. Завершился же торжественный день обедом в доме Дворянского собрания, на котором тосты следовали один за другим. Особенно пришелся по душе присутствовавшим тост М.П.Погодина: «Да процветает Симбирск, да являются отсюда беспрерывно, к славе оте-

П.М.Языков

Н.М.Языков

чества, преемники Карамзиных, Дмитриевых, Тургеневых, Языковых... Ура!»[31].

Рассказы родных, а затем и приехавшего в Москву Погодина о всеобщем энтузиазме, с которым отмечалось открытие памятника, одушевляюще подействовали на поэта Николая Языкова и он к октябрю 1845 года закончил «Стихи на объявление памятника историографу Н.М.Карамзину» с посвящением литератору — симбирянину А.И.Тургеневу (другу Н.М.Карамзина, «верному покровителю» Пушкина — по признанию самого Александра Сергеевича, брату декабриста Н.И.Тургенева). Используя строку из державинского «Памятника», Языков, со свойственным ему вдохновением, чеканным слогом пророчески заявил о Карамзине:

«Он памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Достойный праведных похвал,
И краше, чем кумир иль столб каменосечный,
И тверже, чем литой металл!
Тот славный памятник, отчизну украшая,
О нем потомству говорит
И будет говорить, покуда Русь святая
Самой себе не изменит!
Покуда внятны ей родимые преданья
Давно скончавшихся веков
Про светлые дела, про лютые страданья,
Про жизнь и веру праотцов;
Покуда наш язык, могучий и прекрасный,
Их вещий, их заветный глас,
Певучий и живой, звучит нам сладкогласно,
И есть отечество у нас!..»[32]

Николай Языков хотел еще одним добрым делом внести вклад в увековечение памяти выдающегося литератора и историка. «По случаю объявления (так называется в нашей Библии инаугурация монументов) памятника Карамзину,— писал он 25 ноября брату Александру в Симбирск,— должно издать альбом, в котором должны участвовать все русские поэты и прозаики: каждый пусть напишет об нем стихи или статью! Так делали немцы в честь Шиллера и Гете. Похвально перенимать похвальное».

Увы, этому благородному замыслу не суждено было сбыться. Сначала из-за препятствий московской цензуры, которая не разрешила публикацию погодинского «Исторического похвального слова Карамзину», а потом и языковского стихотворения, посвященного открытию памятника в Симбирске. Только 14 января 1846 года Николай Языков смог сообщить родным в Симбирск: «Возня моя с московскою цензурою окончилась в мою пользу: вчера получил я билет на выпуск своего стихотворения». А 27 февраля поэт с удовлетворением уведомил брата Александра: «Вот тебе 15 экз. моего стихотворения «На памятник Карамзину», раздай их кому следует»[33].

Заботы поэта об увековечении памяти Н.М.Карамзина на родине

продолжались в буквальном смысле до конца жизни. 12 декабря 1846 года, будучи уже на смертном одре, Н.Языков обратился к М.П.Погодину, возглавлявшему журнал «Москвитянин», с просьбой: «Не можешь ли ты провозгласить в «Москвитянине» и даже в «Московских новостях» о Карамзинской библиотеке, открываемой в Симбирске? Провозгласить и пригласить русских писателей жертвовать в нее свои сочинения? Книги, которые ты жертвуешь, благоволи прислать ко мне: брат (Петр.— *Ж.Т.*) отправит их в Симбирск со своим обозом. М.А.Дмитриев (литератор, отец его был приятелем молодого Н.М.Карамзина.— *Ж.Т.*) подарил бюст Карамзина"[34].

18 дней спустя сердце Н.М.Языкова остановилось, но последняя воля его была выполнена. В «Московских ведомостях» (1845 г., № 45) появилась пространная заметка о Карамзинской общественной библиотеке, в которой было сказано немало теплых слов и о поэте Языкове. В ней особо подчеркивалось, что поэту как истинному патриоту всегда были близки просветительские начинания и что он, «страстно любя отечество, в нем особенно воспевал свою родину... Он не остался при одном сочувствии. Он тот час послал в Симбирск до 20-ти русских сочинений, составляющих около 50-ти томов, нарочно им купленных для учреждаемой библиотеки.. Библиотека покойного Н.М.Языкова, помещенная частью здесь (в Москве.— *Ж.Т.*), частью в его симбирском имении, простирается по крайней мере до 5000 томов. Так, частная библиотека должна положить основание Карамзинской общественной библиотеки в Симбирске".

Братья поэта, сами принимавшие деятельное и живое участие в учреждении этого книгохранилища, выполнили пожелание Николая Михайловича и передали ей богатейшее собрание книг и журналов — 2325 томов из его личной библиотеки. Эта бескорыстная и страстная забота о развитии просвещения и культуры была высоко оценена комитетом Карамзинской общественной библиотеки, открывшейся 18 апреля в двух комнатах нижнего этажа недавно построенного дома Дворянского собрания. Здесь был установлен подаренный Дмитриевым бюст Карамзина, а рядом — бюст поэта Николая Языкова, внесшего решающий вклад в создание этого очага культуры.

Начиная с этого, 1848 года, каждое 1 декабря — день рождения Карамзина — в здании классической гимназии устраивалась панихида, а затем, уже в зале Карамзинской библиотеки, проходило годичное собрание комитета и ревнителей просвещения.

Постепенно, но неуклонно облагораживалась площадь, в центре которой высился памятник. Первоначально он был обнесен деревянной решеткой, которая диссонировала с изящным произведением искусства. В 1855 году жена Андрея Николаевича Карамзина, в память мужа, погибшего во время Крымской войны, пожертвовала капитал на постройку металлической решетки, которая и была изготовлена на Нижне-Тагильском заводе Демидовых. Решетка была

А.М.Языков

П.Н.Ивашев

А.И.Тургенев

И.И.Дмитриев

железная, с медными, вызолоченными сверху спицами и с украшениями прекрасной работы[35].

После грандиозного августовского пожара 1864 года, когда начались большие работы по благоустройству и озеленению центра города, решено было площадь вокруг памятника превратить в сквер. В 1866 году по проекту симбирского архитектора Н.А.Любимова была произведена детальная планировка аллей и клумб сквера, а на следующий год вокруг сквера была установлена чугунная решетка (стоимостью 4000 рублей), отлитая по рисункам того же Любимова в мастерской симбирского мещанина И.В.Голубкова[36].

Через несколько лет вокруг сквера, вдоль решетки, выросла довольно высокая живая изгородь из рядов желтой акации и сирени. Кустами окаймлялась и решетка вокруг памятника. На аллеях сквера росли березы, вязы, рябины, вишни и даже дикие груши — дули со сладкими плодами, которыми охотно лакомились ребята нескольких поколений. Небезынтересен в связи с этим случай, о котором рассказывает в своей брошюре для садоводов известный краевед С.Рогозин. Американский профессор Е.Гибб и его спутник Д.Бодд, путешествуя в 1882 году по Волге, во время посещения Симбирска, и в частности Карамзинского садика, чрезвычайно удивились, что здесь, под широтою 54°, они «в первый раз встретились с обширной грушевой культурой в холодном климате. Там (в Симбирске.— *Ж.Т.*) в фруктовых садах должно быть... до 10000 деревьев»[37]. (По возвращении в Америку профессор обратился в Симбирск с просьбой доставить ему черенки дикой груши для разведения на подвои. Эта заявка, как и из германского города Эрфурта, симбирянами была выполнена).

К этому времени в Карамзинском сквере стояли скамейки, а в северо-восточном углу и деревянная беседка под железной крышей. Вдоль внешней ограды деревянные тротуары были уже заменены асфальтовыми. Керосиновые фонари освещали вход в сквер, но с наступлением темноты сторож железной цепью закрывал ворота на замок. Днем же здесь, по словам А.И.Ульяновой-Елизаровой, полагалось гулять чинно[38]. В учебное время сюда постоянно забегали ученики рядом расположенной классической гимназии. В погожие дни в сквере можно было провести часть большой перемены. А изящный памятник Карамзину неизменно украшал вид из окон гимназии, в частности из окон 8 класса, где учился в 1886—1887 годах выпускник Владимир Ульянов.

Советское и большевистское руководство, разместившееся после победы Октябрьской революции 1917 года в «Доме Свободы» (бывшей губернаторской резиденции), вполне лояльно относилось к расположенному рядом памятнику, хотя и воздвигнутому «повелением императора Николая I».

Но в начале 30-х годов, когда развернулась кампания разрушения культовых сооружений, нависла угроза и над памятниками тем лицам, которых функционеры от культуры причисляли к певцам или идеологам самодержавия и реакционного дворянства. В Казани

был уничтожен памятник Г.Р.Державину работы С.Гальберга и А.Тона, почти столетие стоявший в университетском дворе...

Нависла угроза и над памятником Карамзину в Симбирске. Какие-то хулиганствующие элементы то ли по своей воле, то ли по чьей-то подсказке нанесли памятнику ущерб: были «сбиты верхние окончания штоков ограды, уничтожены два ее кронштейна, сделано несколько выколов гранита пьедестала, уничтожена надпись на пьедестале, сняты гайки крепления обоих горельефов, уничтожена позолота верхних окончаний ограды и свинцовая расчаканка швов гранитных блоков»[39].

К счастью, памятник все-таки уцелел, а в послевоенные годы была даже восстановлена надпись на пьедестале, правда, без позолоты. В 1967 году опытный московский реставратор Л.Я.Урис привел в порядок все скульптурные части памятника: сохранив основную патину (зеленовато-коричневый налет, образующийся на бронзе в результате окисления), он заново перепатинировал статую Клио, бюст Карамзина и оба горельефа. Кроме того, он гидроизолировал места крепления анкерных болтов плинта, заделал в пяти местах трещины и выбоины на граните эпоксидной смолой, затертой обожженным строительным кирпичом, а также швы между гранитными блоками ("под свинец"). По чертежам реставратора на ульяновском моторном заводе заново были изготовлены 12 шишек для штоков ограды и 2 кронштейна, 8 крепежных (торцовых) гаек горельефов. Вся ограда была окрашена защитной черной эмалью[40].

Казалось бы, положено научное начало тщательной охране редкого и дорогого памятника и окружающей исторической среды. Увы, начало оказалось только приятным эпизодом, ибо у памятника не нашлось заботливого и компетентного хозяина. Поэтому стал возможным такой недавний удручающий акт, как очищение статуи Клио от патины, чего делать не полагается.

Тревогу общественности вызывает судьба Карамзинского сквера. Руководство Горзеленстроя, начиная в 1983 году его реконструкцию, вырубало деревья и кустарники, руководствуясь, как отметил краевед доцент С.Сытин в своей записке «О Карамзинском сквере и памятнике Н.М.Карамзину», только одной, но «ложной идеей максимального «раскрытия» памятника Карамзину», вместо того, чтобы следовать рекомендациям института Росреставрация, предусматривавшим восстановление сквера таким, каким он сформировался в 80-х годах XIX века.

Эта критика С.Сытиным небрежения к историческому прошлому правомерна. Но с дальнейшими рассуждениями краеведа о том, что памятник «должен быть объектом своего рода «камерного» осмотра», поскольку Н.М.Карамзин был «реакционным дворянским историком», трудно согласиться. Особенно после того, как вчитаешься в следующие рекомендации записки:

«Над «зеленой изгородью» ... должна просматриваться лишь фигура музы истории Клио, венчающая памятник. Верноподданнические горельефы не должны привлекать внимания.

Необходимо устранить из всех последующих изданий путеводителей и любых книг об Ульяновске слащавые описания этих горельефов, прославляющих даже не Карамзина, а российское само державие в лице одного из самых отвратительных представителей — Николая I.

Нет надобности в рассказе о содержании этих горельефов и при проведении экскурсий — достаточно указания на то, что они в весьма условной форме показывают эпизоды из жизни Карамзина».

Эта записка разослана краеведом в музеи, а также руководителям города и области 5 марта 1985 года. Но, как и следовало ожидать, экскурсоводы по-прежнему объясняют слушателям, какие именно события из жизни Историографа запечатлены на «верноподданнических» горельефах. И если бы даже кому-то удалось возвести «зеленую изгородь», чтобы скрыть их от любознательного взора, то такая попытка тоже была бы тщетна. Как бы то ни было, а великолепный памятник стоит во всей своей красе и, как это ему и долженствует, продолжает будить чувства и мысли всякого подошедшего к нему человека.

Самого же Карамзина за минувшие полтора столетия уже не раз как бы возносили на пьедестал и свергали с него. Громкую славу создали ему «Бедная Лиза», «Записки русского путешественника» и, конечно, «История государства Российского». Оценивая творчество Николая Михайловича, В.Г.Белинский подчеркивал: «К чему ни обратитесь в нашей литературе — всему начало положено Карамзиным: журналистике, критике, повести, роману, повести исторической, публицизму, изучению истории»[41]. А.С.Пушкин, имея в виду главный труд Историографа, с восхищением писал: «Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом, у нас никто не в состоянии исследовать огромное значение создания Карамзина... «История государства Российского» есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека»[42].

Вклад Н.М.Карамзина в литературу и историю высоко ценили Г.Р.Державин, И.И.Дмитриев, В.А.Жуковский, Н.В.Гоголь, Н.М.Языков, П.Я.Чаадаев, П.А.Вяземский, П.В.Анненков, М.М.Сперанский, М.П.Погодин и многие другие выдающиеся современники. Безусловно, в глазах общества имело значение и внимание, оказываемое Историографу Александром I и Николаем I, которым импонировали его идеи о благодетельной роли самодержавия в создании сильного государства, а также суждения в пользу сохранения основ крепостничества.

Но что так по душе было монархам и реакционному дворянству, то не могло не вызывать чувства протеста у демократической России. И хотя Карамзин в «Истории государства Российского» гневно заклеймил тиранию Ивана Грозного и ужасы опричнины, тайное злодейство Бориса Годунова и вообще произвол и деспотизм власть имущих, тем не менее деятели освободительного движения нередко называли Карамзина «монархистом», «реакционером» и «идеологом реакционного дворянства».

В советской литературе это вульгарно-социологическое отношение еще более укрепилось. Неудивительно, что снизилось внимание и к творческому наследию Карамзина: мало кто читал в школьные годы что-либо кроме «Бедной Лизы». Но справедливость все же восторжествовала и начиная с 60-х годов интерес к личности и творчеству нашего выдающегося земляка неизменно ширится. Достаточно сказать, что только в последнее время вышли массовыми тиражами три фундаментальных исследования о нем: «Последний летописец» Н.Эйдельмана, «Три жизни Карамзина» Е.Осетрова и «Сотворение Карамзина» Ю.Лотмана. В различных городах страны сейчас выходит «История государства Российского», причем каждое из изданий превосходит по объему тиража все вместе взятые издания этого труда, выходившие в дореволюционной России. На наших глазах Н.М.Карамзин становится читаемым писателем далекого прошлого.

Секрет воскрешения популярности «первого нашего историка и последнего летописца» (Пушкин) не в последнюю очередь объясняется одухотворенностью личности Николая Михайловича, примером его самозабвенного труда во имя родного Отечества и гуманизирующим влиянием на развитие великой российской культуры.

Безукоризненная честность, принципиальность, гражданственность и мужество Николая Михайловича проявились и в тех эпизодах его жизни, которые в аллегорической форме изображены на горельефах памятника в родном городе.

Конечно, если экскурсовод, показывая на левый (северный) горельеф, ограничится объяснением, которое содержится во многих справочных изданиях, а именно, что здесь изображено «чтение Карамзиным отрывков из своей истории пред императором Александром I, во дворце великой княгини Екатерины Павловны, в Твери 18 марта 1811 года», то у несведущего слушателя может сложиться впечатление о довольно близких отношениях Историографа с самим императором.

На самом же деле Александр I, вследствие настояния своей сестры (жены тверского губернатора), впервые удостоил Карамзина чести быть рядом с собою. Императора заинтересовали главы о нашествии татаро-монгольских полчищ, о битве на Куликовом поле и славном князе Дмитрии Донском. Но в ходе развернувшейся после чтения беседы добродушный Карамзин осмелился несогласиться с некоторыми мыслями монарха о самодержавии... Александр I внешне ничем не выразил неудовольствия и даже намекнул, что Историографу с семьей нет нужды жить в наемном доме: «дворец Аничковский довольно велик...» В такой атмосфере уже в конце вечера Карамзин решился вручить царю свою сокровенную записку «О древней и новой России» с многозначительным эпиграфом: «Несть льсти в языце моем». На утро же, прощаясь с обитателями дворца сестры, Александр I даже не подошел к Карамзину, а только издали кивнул ему. Для окружающих стало ясно: Историограф попал в опалу...[43]

Так что же в «Записке» не понравилось монарху и столь круто изменило его отношение к ее именитому автору? Прежде всего — бесстрашные обличительные характеристики всех царственных особ. Признавая величие Петра I, Карамзин подробно рассматривает «вредную сторону его блестящего царствования», с упреком констатируя, что «тайная канцелярия день и ночь работала в Преображенском: пытки и казни служили средством нашего славного преобразования государственного», что, пытаясь «сделать Россию Голландией», Петр I «не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество государства», что ошибкой был и перенос столицы России в северный край.

Еще более резкой критике был подвергнут век Елизаветы и Екатерины, когда страной фактически правили временщики и фавориты: нравы еще «более развратились в палатах и хижинах». Время царствования Павла I было признано им как «вредное», но и оно было пресечено «способом вредным» — гвардейские офицеры-заговорщики ночью убили его... Если учесть, что для многих не было тайной участие Александра I в заговоре против отца, то можно себе представить чувства, которые обуревали Александром I во время чтения этого места карамзинской записки. А ведь в ней содержались и нелицеприятные суждения о порядках уже нынешнего царствования: «Россия наполнена недовольными», правительство передало власть губернаторам — «глупцам или грабителям», что, в свою очередь, породило «всякие злоупотребления» чиновников всех ведомств. Не пощадил Историограф и основ российской внешней политики, упрекнув, по существу самого императора в попустительстве гегемонистским устремлениям Наполеона, приведшим к установлению его господства в Европе[44].

Конечно, в «Записке» содержались и комплименты Александру I, и учтиво изложенные советы по совершенствованию системы государственного управления. Карамзин искренне надеялся, что широкое развитие просвещения ускорит освобождение крестьян, а пятьдесят тщательно подобранных умных и добросовестных губернаторов смогли бы обуздать «хищное корыстолюбие нижних чиновников и господ жестоких», верил, что они «восстановят правосудие, успокоят земледельцев, ободрят купечество и промышленников, сохранят пользу казны и народа».

Таково краткое содержание «Записки», поданной Карамзиным Александру I в марте 1811 года в Твери. Замечу, что в 1819 году Николай Михайлович подаст императору новую записку — «Мнение русского гражданина», вызвавшую еще большее неудовольствие императора...

Тем не менее Александр I смирил свою гордыню и до самой своей кончины, постигшей его в ноябре 1825 года в Таганроге, по крайней мере внешне лояльно относился к Карамзину, награждал его орденами и чинами, способствовал изданию «Истории государства Российского».

На горельефе с правой (южной) стороны памятника Историограф

изображен на смертном одре в окружении своих близких. Стоящая перед ним Фортуна (богиня счастья, удачи и судьбы у древних римлян) сыплет из рога изобилия монеты, которые подбирает ребенок. Вот как комментирует этот сюжет известный наш краевед А.Н.Блохинцев:

«Здесь в иносказательной форме отражен достоверный факт из последних дней жизни Карамзина, когда 13 мая 1826 года ему, тяжело больному, император пожаловал пятьдесят тысяч рублей на поездку в Италию на излечение, для чего было приказано снарядить один из кораблей военно-морского флота. Но историк умер через десять дней после этого, 22 мая 1826 года, и деньги были обращены в ежегодную пенсию его семейству, детям. Карамзин изображен на горельефе с останавливающим жестом, направленным к Фортуне и словно говорящим, что все ее дары запоздали и умирающий не может воспользоваться ими»[45].

Этот комментарий нуждается в дополнении и некоторых уточнениях. Упоминаемый в нем «император» — это уже Николай I, утвердившийся на престоле после подавления восстания 14 декабря 1825 года.

Н.М.Карамзин к восстанию отнесся поначалу отрицательно, но, узнав, что там участвовали братья Н. и А.Муравьевы, А.Тургенев, Н.Бестужев и другие светлые личности, он смело и как бы полуоправдывающе заявил новому императору: «Заблуждения и преступления этих молодых людей суть заблуждения и преступления нашего века». Более того, Николай Михайлович вместе с другом-поэтом В.А.Жуковским пытался облегчить участь некоторых декабристов и добился также того, что Пушкин был возвращен в столицу из Михайловской ссылки[46].

Николай I стремился приблизить к себе Историографа — глашатая правительственного курса, чтобы тем самым показать обществу намерения продолжать либеральные начинания покойного брата — императора. Он просил Карамзина принять участие в составлении важных «бумаг государственных» и намекал на возможность получить пост министра. Но Николай Михайлович, ссылаясь на свое здоровье и необходимость завершить том 12 «Истории государства Российского», уклонился от лестных предложений царя.

Между тем прогрессирующая болезнь легких грозила перерасти в хроническое воспаление и отек, и Карамзин, по настоянию Жуковского и родных, 22 марта 1826 года просит у царя пост русского консула во Флоренции, обещая свое лечение там совмещать с представлением правительству обстоятельных корреспонденций о жизни Европы. Николай I, не без влияния своей матери, глубоко уважавшей Карамзина, заявил в ответ, что «российский историограф» может во Флоренции заниматься только своими делами.

Вот при каких обстоятельствах 13 мая появился (составленный В.А.Жуковским) царский рескрипт на имя министра финансов, согласно которому Н.М.Карамзину было пожаловано, по случаю отъезда «за границу для излечения своего здоровья, по пятидесяти

тысяч рублей в год, с тем, чтобы сумма эта, обращаемая ему в пенсион, была после него производима сполна его жене и по смерти ее также сполна детям сыновьям до вступления всех их в службу, а дочерям до замужества последней из них»[47].

Эта громадная сумма, как видим, являлась не разовым пособием для поездки на лечение в Италию, а постоянной пенсией Карамзину и его семье. Родные не сразу сообщили тяжко больному Николаю Михайловичу об этом пожаловании, и более или менее удобный момент был выбран только через два дня после появления рескрипта. В ответ он промолвил: «Это уже слишком много!» В письменной же благодарности на имя Николая I Карамзин в учтивой форме выразил почти ту же мысль: «Благодеяние чрезмерно: никогда скромные мои желания так далеко не простирались»[48].

Историографа сильно смущала эта неслыханная щедрость, ведь он долгие годы получал от Александра I только 2 тысячи в год. Но он, как справедливо подметил исследователь Н.Эйдельман, догадывался, что пожалованные 50 тысяч — не столько для него, сколько для молвы. «Дело понятное: литература очень напугана арестами, следствием над Рылеевым, Бестужевым, Кюхельбеккером, Грибоедовым, Корниловичем, Одоевским и другими писателями, журналистами; словесность вообще на подозрении и ждет худшего, а царский подарок Карамзину успокаивает лояльных и привлекает колеблющихся...»[49]. Карамзин распознал подоплеку оказанной ему царем милости и, по свидетельству Александра Тургенева, был рассержен «за пенсион».

С учетом этих обстоятельств, никак нельзя ограничиться объяснением, что жест левой руки Николая Михайловича, направленный к Фортуне на правом горельефе симбирского памятника, выражает лишь сожаление о невозможности лично воспользоваться посыпавшимися дарами. Поскольку это благодеяние обеспечивало его семью, Карамзин, как и любой таким образом одариваемый, как будто должен был бы и, чуя скорую кончину, быть преисполненным благодарности, что и выразилось бы в соответствующем этому чувству жесте. А если жест на горельефе — и не сожаление об опоздании дара, и не благодарность за обеспечение жены и детей, то что же? Зная отношение Карамзина к рескрипту, можно считать движение его руки выражением сложной гаммы чувств, включающей в себя и некоторое смущение скромного труженика перед «чрезмерными» для него суммами, и нежелание стать объектом неслыханной щедрости монарха, поставившей раздел между ним и опальной свободолюбивой интеллигенцией России.

Оба горельефа, созданные Гальбергом и его учениками и отлитые мастерами под руководством Клодта,— истинные произведения искусства. И все-таки они являются лишь украшениями монумента. Основным же его элементом, по мысли самого скульптора, является величественная фигура Клио.

Обычно муза истории изображается в виде молодой женщины с лавровым венком на голове и свитком папируса в руке. На одном

из древнейших барельефов, хранящемся в парижском Лувре, Клио стоит, облокотившись на колонну и, придерживая левой рукой книгу, читает ее.

Гальберг создал свой образ музы истории специально для памятника Карамзину: Клио правой рукой возлагает на жертвенник бессмертия скрижали «Истории государства Российского», а в левой руке держит трубу, с помощью которой она намерена громко вещать о славных страницах жизни древней и новой России.

Свой замысел скульптор выполнил чрезвычайно искусно и высокохудожественно, и всякий, кому довелось видеть памятник Карамзину, наверное, согласится с мнением биографа Гальберга:

«Муза истории Клио стоит в спокойной, естественной позе, с грустным лицом. На ее высокой стройной фигуре хитон и плащ. Пышные драпировки одежд не только не скрывают красоты ее тела, но, наоборот, ясно обрисовывают формы. Гальберг решил статую, учитывая обозрение ее со всех сторон. Наклон головы, согнутая в колене и слегка отставленная назад левая нога, плавно льющиеся линии драпировок создают удивительно гармоничный образ музы»[50].

Ну а как же решен скульптурный портрет самого Историографа? Используя в качестве образца простоту и героическое начало античных скульптур, бюст Карамзина автор мастерски вылепил «по типу гермы — прямая посадка головы, обнаженная грудь, срезанные плечи»[51], проявив себя при этом вдумчивым и проницательным художником.

К бюсту Карамзина вполне приложима оценка драматурга Н.В.Кукольника, данная им скульптурному портрету А.С.Пушкина, изваянного Гальбергом в 1837 году по самим же им снятой маске с лица только что почившего вечным сном великого поэта: «...всякий будет поражен сходством, правдой, простотой и отделкой бюста».

Критика, отмечая умение Гальберга «уловить лучший, характерный для лица момент», подчеркивала также, что благодаря этому скульптор достигает поразительного сходства и «бюсты его дышат, едва не говорят...»[52]

Всмотримся же внимательно в скульптурный портрет Карамзина. Блестящему, вдохновенному таланту Гальберга удалось глубокое и тонкое проникновение в образ историка-художника, неутомимого ученого-труженика, бесстрашного искателя истины, страстного просветителя-энциклопедиста, пламенного патриота России. Открытый, смелый, честный и вместе с тем внимательный и вдумчивый взгляд, устремленный вдаль, как бы в глубь веков, слегка сдвинутые брови и морщины на высоком лбу явствуют о напряженной работе души и мысли. Взгляд неравнодушный, отягощенный переживаниями, выражающий как бы озабоченность судьбами Родины, и вместе с тем мудрый, по-отечески призывающий грядущие поколения:

«Трудитесь умом, играйте воображением, живите сердцем...»

У памятника Н.М.Карамзину в «День города» 24 мая 1987 г. «Сквер коллекционеров»

И каждое новое поколение черпает в творческом наследии Историографа актуальные для себя суждения. Так, нетрудно представить, с каким воодушевлением комментировал директор народных училищ Симбирской губернии Илья Николаевич Ульянов родным, знакомым, всем ревнителям просвещения 192-ю и 193-ю страницы изданного в Симбирске в 1867 году сборника «Симбирский юбилей Николая Михайловича Карамзина. 1 декабря 1766—1866 года», где приводились близкие по духу мысли писателя-историка:

«Народные школы могут и должны быть полезнее всех Академий в мире, действуя на первые элементы нации; и смиренный народный учитель, который детям бедности и трудолюбия изъясняет буквы, арифметические числа и рассказывает в простых словах любопытные случаи Истории, или развертывая моральный Катехизис, доказывает, сколь нужно и выгодно человеку быть добрым,— в глазах философа почтен не менее метафизика..., мудрого натуралиста, физиолога, астронома, занимающих своею наукою только некоторую часть людей.

Если в городах, в сем новом творении Екатерины, еще не представлялось глазам ни палат огромных, ни храмов великолепных, то, в замену сих иногда обманчивых свидетельств народного богатства, взор патриота читал на смиренных домиках любезную надпись: НАРОДНОЕ УЧИЛИЩЕ, и сердце его радовалось».

А как полезно некоторым нынешним демократам левого и правого толка, специализирующимся на обливании грязью истории Со-

ветского государства, вдуматься в слова, предостерегающие российских «Иванов, непомнящих родства»: «...мне кажется, что мы излишне смиренны в мыслях о народном своем достоинстве,— а смирение в политике вредно. Кто самого себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут... Надо знать себе подлинную цену. Согласимся, что некоторые народы вообще нас просвещеннее: ибо обстоятельства были для них счастливее, но почувствуем же и все благодеяния судьбы в рассуждении народа российского; станем смело наряду с другими, скажем ясно имя свое и повторим его с благодарной гордостью»[53].

* * *

В России имеется еще один памятник Н.М.Карамзину — в подмосковсном Остафьево, близ Подольска, где находилось имение поэта князя П.А.Вяземского, брата жены писателя-историка. Здесь Николай Михайлович почти 12 лет работал над главным трудом своей жизни. Стены дома, где он творил, видели В.А.Жуковского, Е.А.Баратынского, А.С.Грибоедова, А.С.Пушкина, Адама Мицкевича, других видных литераторов. В знак признательности тем из них, кто сделал Остафьево «Русским Парнасом», в 1911—1913 годах на аллее парка были установлены памятники Карамзину, Пушкину, Жуковскому и Вяземскому.

Памятник Николаю Михайловичу выполнен в реалистической манере: невысокий постамент с его барельефом, обрамленным лавровыми ветвями, а сверху постамента помещены семь бронзовых томов «Истории государства Российского», которые творились здесь, в Остафьево. В господском доме Вяземских был создан музей с мемориальным кабинетом Историографа. В 30-х годах музей был ликвидирован, а экспонаты розданы в различные учреждения культуры[54].

Не повезло и единственному зданию в Ульяновске, в котором некогда жил В.М.Карамзин, старший брат Историографа: полтора десятилетия назад этот двухэтажный каменный дом, стоявший невдалеке от бровки волжского косогора перед корпусом общежития педагогического института, был снесен. Напомню, что контуры этого дома Карамзиных 15 сентября 1833 года, перед тем как покинуть Симбирск, начертал себе на память А.С.Пушкин. Но остатки фундамента исторического здания еще целы. В архиве сохранились подробнейшие чертежи, по которым можно точно воссоздать дом с тем, чтобы впоследствии создать первый в стране мемориальный музей Николая Михайловича Карамзина.

[1] Языков Н.М. Свободомыслящая лира. М., 1988, с. 224—225.

[2] Литературное наследство. Т. 19—21. М., 1935, с. 100-101.

[3] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 18, д. 51, л. 3.

[4] Фонды Ульяновского областного Краеведческого музея им. И.А. Гончарова, № 8071, л. 40.

[5] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 18, д. 51, л. 51, л. 77.

[6] Гос. публичная библ-ка СССР им. В.И.Ленина, отдел рукописей, ф. 112, м. 5785, л. 124.

[7] Блохинцев А.Н. И жизни след оставили своей..., Саратов, 1985, с. 105.

[8] Авторы сборника «Родной город Ильича» (Саратов, 1972, с. 354) заблуждаются, полагая, что М.П.Баратаев входил в группу дворян, ходатайствовавших о подписке на памятник Карамзину.

[9] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 18, д. 51, л. 132. Подчеркнуто мной.— Ж.Т.

[10] Там же, л. 192.

[11] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 18, д. 51, л. 193. Подчеркнуто мной.— Ж.Т.

[12] Там же, л. 193.

[13] Сборник исторических и статистических материалов Симбирской губернии. Приложение к памятной книжке Симбирской губернии на 1868 год. Симбирск. 1868, с. 152—155.

[14] Прогулка по 12 губерниям с историческими и статистическими замечаниями в 1838 году Павла Сумарокова. СПб, 1839, с. 160.

[15] Мроз Е. Самуил Иванович Гальберг. 1787—1839. М.—Л., 1948, с. 17.

[16] Блохинцев А. И жизни след оставили своей..., с. 106.

[17] Мроз Е. С.И.Гальберг, с. 18.

[18] Блохинцев А., с. 110.

[19] Рамазанов Н. Петр Андреевич Ставассер.— Русский вестник, 1863, № 1, с. 221.

[20] Фонды Ульяновского областного краеведческого музея, № 8071. лл. 1—9, 40.

[21] Русский вестник, 1863, № 1, с. 221.

[22] Симбирский юбилей Николая Михайловича Карамзина. Симбирск, 1867, с. 171.

[23] Языков Н.М. Свободомыслящая лира, с. 300.

[24] Мартынов П. Симбирск за 250 лет..., Симбирск, 1898, с. 82.

[25] Волга, 1988, № 12, с. 131.

[26] Там же.

[27] Симбирский юбилей Н.М.Карамзина, с. 199—200.

[28] Там же, с. 204.

[29] Симбирский юбилей Н.М.Карамзина, с. 220.

[30] Симбирский юбилей Н.М.Карамзина, с. 174.

[31] Там же, с. 176.

[32] Симбирский юбилей Н.М.Карамзина, с. 144.

[33] Языков Н. М. Свободомыслящая лира, с. 297, 318,323.

[34] Языков Н.М. Свободомыслящая лира, с. 326.

[35] ГАУО, ф. 76, оп. 2, д. 1289, л. 33.

[36] Симбирские губернские ведомости, 1871, № 21, 13 марта.

[37] Поволжская помология для практиков. Составил С.Рогозин. Сенгилей, 1924, с. 88.

[38] Ульянова-Елизарова А.И. О В.И.Ленине и семье Ульяновых. М., 1988, с. 30.

[39] Фонды Ульяновского областного управления культуры, № 245. Паспорт на памятник Н.М.Карамзину. 1974. Составил А.Н.Блохинцев, с.15.

[40] Паспорт на памятник Н.М.Карамзину, с. 15.

[41] Белинский В.Г. Собр. соч. в 9 томах, т. 8. М., 1982, с. 164.

[42] Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10 томах, т. 7. Л., 1978, с. 44—45.

[43] Осетров Е. Три жизни Карамзина. М., 1985, с. 225.

[44] Эйдельман Н. Последний летописец. М., 1983, с. 68.

[45] Блохинцев А.Н. И жизни след оставили своей..., Саратов, 1985, с. 109.

[46] Эйдельман Н. Последний летописец, с. 143.

[47] Старчевский А. Н.М.Карамзин, СПб, 1916, с. 264.

[48] Там же.

[49] Эйдельман Н. Последний летописец, с. 145.

[50] Мроз Е. С.И.Гальберг, М.-Л.,1948, с. 19.

[51] С веком наравне. Книга и скульптура. Том III. М., 1974, с. 113.

[52] Карпова Е. Скульптор пушкинской поры.— Художник, 1988, №1, с. 36.

[53] Карамзин Н.М. Избр. соч., т. 2. М., 1964, с. 283.

[54] Наука и жизнь, 1988, № 7, с. 97—100.

Трофимов Жорес Александрович

**Симбирский памятник Н. М. Карамзину.
Известное и неизвестное**

Редактор *Д. В. Розанов*
Обложка художника *А. Н. Иванова*
Технический редактор *О. Н. Крайнова*
Корректор *А. В. Садовникова*

Подписано в печать 15.01.92. Формат 60x90 1/16. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,5. Усл. кр.-отт. 2,75. Уч.-изд. 2,7.
Тираж 15 000 экз. Заказ № 979. Изд. № 9. Цена 3 руб.
Текст набран Издательским центром «Россия молодая». 129344, Москва, ул. Радужная, д. 13.

Ульяновское управление информпечати. М.П. "Офсет", г. Димитровград, ул. Дачная, 97.

Издательский центр
"Россия молодая"